

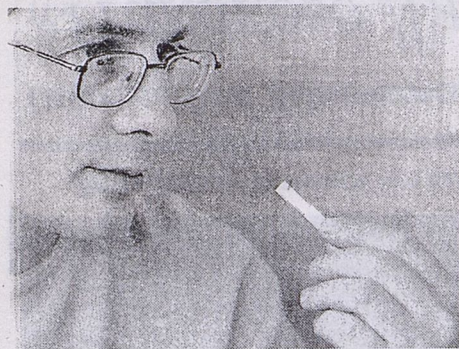
Зайончковский Олег
(писатель)

28.09.95

ПИСАТЕЛЬ **Олег Зайончковский:**

Известия. - 2005. - 28 сент. - с. 14

Никакого Дядю Федора я в голове не держал»

Аналист прошлогодних «Букера» Национального бестселлера» Олег Зайончковский только что выпустил свою вторую книгу «Петрович», которую уже называют одним из главных претендентов на «Букера» этого года. С Олегом Зайончковским беседовала корреспондент «Известий» **Наталья Кочеткова.**

Известия: Литературный успех что-то изменил в вашей жизни?

Олег Зайончковский: Я бросил свою прежнюю работу...

Известия: А чем вы занимались?

Зайончковский: В книжке написано, что я был слесарем-испытателем ракетных двигателей. Я действительно занимался этим, но последние лет пятнадцать я ремонтировалтовую технику — стиральные машины, лесосы и всякое такое. Это был ручной труд, не интеллектуальный, хотя и по-своему

интересный. Но в какой-то момент я почувствовал, что совмещать это невозможно.

Известия: Чувствуете некую ответственность перед читателем?

Зайончковский: Книги «Сергеев и городок» и «Петрович» я сдал одновременно в издательство ОГИ. Третья книжка — сборник повестей, выйдет она между «Петровичем» и четвертой книгой, которую я пишу сейчас. Вот в отношении этой третьей книжки у меня есть сомнения — как примут ее критика и читатели.

Известия: Да вы обласканы критикой.

Зайончковский: Пока еще не все опомнились, что надо ставить товарища на место. У меня писательский возраст пока юниорский. Если меня действительно начнут воспринимать всерьез, на меня появится гораздо больше отрицательной критики.

Известия: Мальчика в вашей книге зовут Петрович в отличие от взрослых, которые названы просто по имени. Многие усмотрели здесь тот же прием, что и в истории Эдуарда Успенского о Дяде Федоре.

Зайончковский: Это имя пришло абсолютно интуитивно. Когда что-то начинаешь делать, то главное — выбрать верную интонацию, задать тон. Мне показалось, что это имя как раз задает тон. Никакого Дядю Федора я в голове не держал. В книге вообще много традиционного и общекультурного, поэтому избежать каких-то сближений и совпадений невозможно. Я не старался оригинальничать, но при этом ничему не подражал и не ориентировался на какие-то образцы.

Известия: Действие романа происходит в советское время. Что вы думаете о ностальгических интонациях в литературе?

Зайончковский: Прошел тот необходимый временной отрезок, чтобы это прошлое стало возможным мифологизировать. Живые люди, которые в это время выросли, мы его помним, только уже теперь помним по-другому. Тем более что оно ушло, во всяком случае, эстетически. Это способствует его мифологизации. Всегда люди вспоминали с ностальгической нотой даже об ужасных событиях, скажем о войне.

Известия: Да, но со Второй мировой понятно. После войны начался новый виток репрессий, и фронт воспринимался как место, где были правильные человеческие отношения.

Зайончковский: Это несколько стереотипное суждение. Я думаю, там было сложнее. Так вспоминают ведь и об Афганской войне, хотя это, возможно, не стало общенациональным явлением для нас. Сейчас в силе поколение, чья молодость прошла в те годы, человеку свойственно вспоминать о годах своей юности с ностальгией. Кроме того, это были не только годы сплошного мрака и беспросвета, в них была романтика. Тогда было легко жить в мире, понимать его: вот здесь мы, а здесь враг. Жизнь была тяжелой, во многих отношениях ужасной, но внутренне чувствовать себя человеком было легче. Сейчас не всегда даже можно для себя сформулировать — что хорошо и что плохо.